

УДК 314.952/954

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАТАР МЕЩЕРЫ (МИШАРЕЙ)

Р.Г. Мухамедова

Мишари представляют субэтнос татар Среднего Поволжья. Территорией их формирования являются правобережные районы Волги, называемые в русских источниках XIV–XV вв. Мещерой. (По историческим сведениям в это время граница Мещеры занимала большую территорию. Ее граница на юге доходила до Дона, восточная – до Волги, западная – до Оки, северная – до Мокши)¹.

Литература и источники о мишарях значительны. Большинство авторов интересуется ранняя этническая история (происхождение) мишарей, но взгляды авторов довольно противоречивы. Так, наиболее распространенной в конце XIX в. была гипотеза В.В. Вельяминова-Зернова о мордовско-финском происхождении мишарей. По его мнению, в бассейне Оки жило родственное мордве, тоже финского происхождения, племя, «мещера» (*мочар, можар*), отатарившейся частью которого и являются татары-мишари. «Слово мочарин (и можар), – писал он, – сохранилось до сих пор в татарском имени «мишар», которым называет себя часть татарского по языку населения (мещеряки) губерний: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской, составляющая, как думать можно, отатарившиеся остатки прежней мещеры (мочаров и можаров)»². Несколько позже к этой гипотезе присоединились и некоторые другие авторы. Например, В.В. Радлов считал, что термины *мишар* и *можар* родственны: «Так как переход гласного звука коренного слова «я» («а»

в «и») совершился только в последних столетиях, то прежде это племенное название выговаривалось «мяшар», что довольно близко к слову «мажар»³.

А.Ф. Можаровский подкреплял гипотезу В.В. Вельяминова-Зернова топонимическими данными. Он находил, что топонимические названия с именем мажар в пределах бывшей Казанской губернии бытуют на правом горном берегу Волги, а именно в Тетюшском уезде⁴.

В 20-х гг. прошлого столетия С.П. Толстов выдвигает мадяро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей. Она довольно близка к гипотезе В.В. Вельяминова-Зернова в том отношении, что С.П. Толстов также считает мишарей отатарившейся частью древней мещеры или мажар. Но в отличие от В.В. Вельяминова-Зернова он полагает, что мажары – не финская, а угорская народность, ответвлением которой являются и мажары Венгрии.

Мадьяро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей поддерживал Б.А. Куфтин⁵. Он допускал мысль, что термины *мишар* и *мажар* могут исходить от *мадьяр*. Но в отличие от В.В. Вельяминова-Зернова и С.П. Толстова он не признавал древнего племени *мещера*, следовательно, и концепцию об их обрусении или отатаривании. Присоединяясь к гипотезе С.П. Толстова, Т.А. Трофимова, связывая раннюю этническую теорию мишарей с территорией Северного Кавказа и даже с Мадьярским племенным Союзом, не высказывает мысли об этнической их принадлежности. Она, в

отличие от предыдущих авторов, работала с конкретными материалами, взятыми из разных территорий, используя при этом метод сравнительного анализа⁶.

Определенный интерес заслуживает буртасская гипотеза, которую выдвинул на VIII Археологическом съезде Ф.Ф.Чекалин⁷. Он связывает «мещеру», упоминаемую в русских летописях XVI в., с буртасами IX-X вв., о которых писали восточные авторы. Эту гипотезу поддерживает наш современник Б.А.Васильев⁸. Он также утверждает, что этноним *буртас* вплоть до XVI в. употреблялся как параллель этнонима *мещера*. В противовес А.Куфтину Б.А.Васильев доказывает, что топографические названия *мещера* произошли от названия народности, переселившейся сюда под давлением половцев, вторгшихся в южнорусские степи.

Оценивая эти взгляды с точки зрения научной обоснованности, следует заметить, что они хотя и носили в некоторой мере умозрительный характер, безусловно, содержат и верную, на наш взгляд, мысль о генетической связи мажар и мишарей, а также объясняли происхождение этнонима *мишэр*. Однако ответ на вопрос о происхождении этнонима не решает проблемы происхождения самого народа, хотя и ускоряет его решение. Недостатком этих выводов, на наш взгляд, является то, что этногенез мишарей сводится лишь к одному генетическому источнику (финскому, угорскому) и почти не учитывается роль других этнических компонентов, особенно тюркских. Сторонники как финского, так и угорского происхождения мишарей совершенно не учитывали данные языки. Между тем в языке мишарей Г.Ахмаров находит много тюркских архаизмов; слова, характерные для мишарского диалекта, он связывает со словами восточно-тюркских наречий⁹. В результате Г.Ахмаров выдвигает гипотезу о тюркском происхождении мишарей. К сожалению, он в своей

гипотезе совершенно не учел роли дозолотоордынского тюркского компонента в формировании этнической основы мишарей; Г.Ахмаров не видел различия между касимовскими татарами и татарами-мишарями, считал тех и других ногайскими татарами, которые якобы переселились в правобережные районы Средней Волги в период Золотой Орды¹⁰. Его гипотеза также страдает односторонностью. Отмечая этот недостаток в работе Г.Ахмарова, Т.А.Трофимова пишет, что он, увлекшись своей гипотезой, сам того не замечая, соскальзывает на путь просто неверных утверждений.

Особая активизация изучения мишарей приходится на вторую половину XX в. В это время появилось значительное число публикаций, в том числе и монографические исследования их языка, этнографии, антропологии; проводились археологические изучения Правобережья Волги, а также восточных источников и русских летописей, где имеются сведения о мишарях и их предках. Мы считаем, что сегодня ученые уже подошли к этапу комплексного изучения этнической истории мишарей и татар Среднего Поволжья и Урала в целом. В работах исследователей этих лет все ярче выражается мнение о том, что формирование мишарей, как и других народов, не сводится лишь к одному источнику: финскому, угорскому или тюркскому. История не знает чисто тюркских или чисто угорских, финских, славянских народов, так как каждый из них проходит долгий путь развития, и при этом подвергается определенным этническим смешениям. Особенно это относится к тюркским, в прошлом кочевым, народам. Ведь древнетюркские племена, в том числе и мажары (о том, что они в своей основе тюрки, говорит сам этноним с окончанием *ар*), изначально формировались на землях Алтая, Южной и Западной Сибири среди угорских племен. Определенные контакты их продолжались и на территории Северного Кавказа. При таких этнических ситуациях одни

из них приобрели угорское, а другие – тюркское этническое самосознание и культуру. В конце I – нач. II т.н.э. каждый из них развивался и формировался самостоятельно (мажары-венгры – в Прикарпатье, а мажары-мишари – на территории Мещеры) и у каждого из них сохранились некоторые следы этих контактов.

Ниже, на основе имеющегося в нашем распоряжении материала, мы предлагаем краткий историко-этнический очерк формирования мишарей.

Еще задолго до появления на исторической арене Чингиз-хана на территории Центральной Азии и Алтая сложились два древних народа: *хунны* и *тюрки*. Хунны еще до нашей эры имели государственное образование, которое в начале нашей эры распалось, после чего основная часть хуннов двинулась на запад.

Древние тюрки появились на исторической арене позже хуннов. В VI в. они сформировали государство Тюркский каганат (позже Восточный и Западный каганаты), развивали собственную, отличную от традиций Китая, Индии, Ирана и Византии, культуру. Древние тюрки исчезли, оставив в наследство свой язык и зрелую в хуннской среде степную культуру тюркоязычным племенам и народам. Позже значительная, входившая в состав Западно-тюркского каганата, часть тюркских общностей оказалась под влиянием Хазарского каганата, образованного в Прикаспийских степях во второй половине VII в. Территория формирования тюрков, кроме Центральноазиатских степей и Алтая, включает междуречье Средней Азии, Южную Сибирь и Приаралье. Все эти земли долгое время оставались исходными районами миграции тюркоязычных и тюркоугорских племен на запад. Но на правобережные земли Средней Волги, в том числе и в районы Окско-Сурского бассейна, они в основном проникали не непосредственно из названных мест, а через степи Прикаспия и Восточной Европы, находясь значи-

тельное время в этнокультурных контактах с народами (уграми, аланами и др.) Сибири, Северного Кавказа и Приазовья.

В V в. вслед за хуннами на запад продвинулись протоболгары и авары, которых в этнографической литературе называют «предшественниками тюрков». В середине VI в. Прикавказье и Приазовье были уже прочно заняты этими племенами, которые еще до прихода сюда испытали влияние хуннов. В первой четверти VII в. они здесь образовали государство (или союз племен) Великая Болгария.

Протоболгары и, возможно, другие «предшественники тюрков» рано овладели господствующими позициями и в правобережных районах Средней Волги; часть из них, очевидно, проникла и в лесостепные районы Верхнесурского и Окского бассейнов. Эти земли, считающиеся прародиной финноугорских племен, вплоть до середины I т.н.э. в социально-экономическом отношении были развиты слабо, что объясняется природно-географическими условиями и отдаленностью их от основных центров мировой цивилизации. Этот регион долгое время оставался малозаселенным. Начало проникновения на эти земли тюркских племен археологи относят к IV–V вв.¹¹ Об этом свидетельствуют обнаруженные в ранне-мордовских захоронениях, например, в Селексинском, Армеевском могильниках Пензенской области, предметы кочевнического мира (в мужских погребениях – мечи, кинжалы, копья и др., а в женских – ажурные бляхи, инкрустированные камнями). Начиная с VI в. предметы кочевнической культуры в пензенских могильниках еще встречаются. Очевидно, эти предметы проникали сюда с юга в результате установившихся контактов между раннетюркскими и финноугорскими племенами. Об этом же говорят подкурганые погребения: Зиновьевское (в верховьях р. Суры), Арцыбашевское (в Скопинском уезде Рязанской губернии). Их погребальный обряд (захоро-

нение с конем, северная ориентация погребенного, поясные наборы, кочевническое оружие и т.д.) имеет черты сходства с собственно-тюркским погребальным обрядом. Арцыбашевское подкурганное погребение конного воина археологи относят к гунно-аварскому типу¹². В Рязанском крае, особенно в Нижнеокском бассейне, обнаружено много других раннетюркских подкурганных погребений, которых исследователи также относят к VI–VII вв. О них пишут проф. А.В. Селиванов¹³, Д. Иловайский¹⁴ и многие другие ученые. Например, А. Богданов считает их «туземцами» этих мест¹⁵, которые позже уступили место мордве, затем славянам (русским). А А.Монгайт также считает, что южная часть Рязанского края в VI–VII вв. была занята не только мордвой, но и отличными от мордвы племенами¹⁶. Этими ранними племенами, возможно, были прото-болгары или даже хунны. По утверждению М.И.Артамонова, еще во II в. часть хуннских племен (их называли гуннами) прошла на запад вплоть до Днепра¹⁷; большой приток хуннов на запад имел место в IV в. По утверждению известного языковеда Б.А. Сербренникова, приток раннетюркских племен на древнемордовские земли был значительным. Он пишет, что «под давлением этих племен мордовский этнический массив был разрезан», и некогда единый мордовский язык распался на два диалекта, которые позже стали двумя самостоятельными языками (эрзя и мокша)¹⁸. Этим районом, где установились первоначальные контакты раннетюркских и финноугорских племен, был район Нижней Оки (включая и его правобережные районы), где, как отметили выше, археологи обнаружили многочисленные подкурганные (раннетюркские) погребения. Известный языковед и топонимист В.А. Никонов в районе устья Оки, в бассейне р. Клязьмы, а также в окрестностях г. Касимова находит большое число топонимов с окончанием на *ус* (и на *ас*. – *Р.М.*), которых

он относит к раннетюркским¹⁹. Как видим, территории распространения тюркских топонимов и обнаруженных археологами ранних могильных курганов, принадлежащих какому-то, но не финского происхождения, племени, совпадают; повторением такой территории является Нижнеокский бассейн. Этим загадочным племенем, очевидно, были предшественники тюрков (хунны и ранние болгары). Они и явились той основой (субстратом), на которой не позже X–XI вв. начался процесс формирования мишарей. По-видимому, на этой же прототюркской основе происходил процесс формирования так называемой «русской мещеры». Кстати, в этнографической культуре татар-мишарей и «русской мещеры» имеется много общего²⁰.

Во второй половине VII в. под давлением хазар в степях Приазовья распалась Великая Болгария. Часть болгарских племен, после некоторого пребывания на территории Северного Кавказа в VIII в., начинает продвигаться на север. В IX в. на левобережье Средней Волги, в районе Западного Закамья современного Татарстана, они основывают феодальное государство Волжская Булгария.

В Прикаспийских и Приазовских степях, возможно в одном союзе с болгарскими племенами, жили тюркские племена – *буртасы*, *можары*, которые после распада Болгарского союза племен оказались под властью хазар. По численности и исторической активности они были значительными этническими образованиями. Не позже конца IX в. *буртасы* (или только их часть), так же как и болгары, двинулись на север. Б.А. Васильев, на основании тщательного изучения посвященных буртасской проблеме источников, отмечает, что какие-то буртасские группы, возможно, остались в степях между Азовским и Каспийским морями, но основная их часть передвинулась к северо-западу Среднего Поволжья²¹, т.е. в глубь его правобережных районов.

В X в. источники сообщают о буртасах в верховьях р. Суры. По утверждению Н.А. Фирсова, в это время здесь существовал город Буртас, насчитывающий до 10 тыс. жителей. Часть из них исповедовала мусульманскую веру, для них были построены две мечети: соборная и простая²². Отдельные находки болгаро-буртасской керамики археологи обнаружили по всему Верхне-Сурскому бассейну, особенно вдоль торговой трансъевропейской дороги из Булгара в Киев. На этой трассе и находился город Буртас²³.

В 60-х гг. прошлого столетия на территории Пензенской области, в верховьях р. Суры, археологами обнаружено большое число памятников (городищ и селищ) с «красной круговой керамикой», которые содержат характерные для болгарских городищ и селищ предметы. Эти памятники, по определению их исследователей, относятся к XI – нач. XIII вв., т.е. к домонгольскому времени, и принадлежат буртасам²⁴. Судя по обнаруженным археологическим материалам, обитатели этих памятников были оседлыми, занимались земледелием и скотоводством. Их городища были укреплены земляными валами. В числе хозяйственных построек, кроме остатков жилищ, обнаружены и остатки амбаров (зернохранилищ), остатки больших корчаг с обгоревшими остатками зерна, земледельческие орудия производства (серпы, обломки косы-горбуши, топоры, ручные жернова болгарского типа). О наличии развитого скотоводства у обитателей поселений говорят останки (кости) лошадей, коров и овец. Наибольшее развитие у жителей названных городищ имело ремесло гончарной керамики. Глиняная посуда буртас («с красной, круглой керамикой») выделялась из местных качественных глин, обнаружена гончарная обжигательная печь. «Керамическая посуда буртасов была настолько хорошей выделки, что сделала бы честь и некоторым гончарам нашего времени», – пишет М.Р.Полесских²⁵; имели место железовыжигание и куз-

нечное дело, найдены железные шлаки, многочисленные бытовые железные изделия, детали боевого оружия (наконечники стрел, боевая булава, удила и др.), а также женские ювелирные украшения, среди них ажурные височные подвески с тремя желудевидными бусинками, плетеные браслеты и другие, характерные для волжских болгар изделия.

Буртасы не были первопроходцами (из тюрок) на Окско-Сурских землях, поэтому их приход сюда не являлся для местных племен неожиданным вторжением. Он скорее имел характер продолжения начатых предшествующими тюркскими племенами контактов. Буртасов привлекали здешние лесные богатства. Как и все степняки, они были хорошими охотниками, выработали навыки лесного пчеловодства и, конечно же, участвовали в обменных процессах, которые с древнейших времен происходили на пограничных ландшафтных зонах. Степняки с юга привозили «лесным людям» оружие для охоты, женские украшения и другие предметы, а увозили пушнину, мед, воск. Все это носило естественный, т.е. мирный, характер и способствовало их оседанию на этой земле.

В XI–XII вв. территория Окско-Сурского бассейна (вплоть до низовьев р. Оки) находилась под контролем и влиянием Волжской Булгарии. Примокшанская земля составляла северо-западную территорию этого государства и ее население (мордва, буртасы) на протяжении многих лет являлось верным стражем его западной границы. Через эти земли, по Волге, болгарские купцы выходили на экономические и торговые связи с восточнославянскими племенами (русскими). Возможно, здесь находилась торговая фактория болгар. По сведениям исторических источников, здесь обосновался Пургас, который выполнял роль местного (вассального), «мордовского князя» Волжско-Булгарского государства. Мы считаем, что князь Пургас был из буртас. Этот антропоним (Пургас), так же как

и этноним *буртас*, представляет двух-основное словосочетание, где второе слово – *ас* является тюркским этнонимом. В VIII – IX вв. этот этноним имел широкое распространение среди тюркоязычных племен²⁶ (т.е. этот этноним в указанное время перестал быть только синонимом *алан*). По сведениям Б.А. Калоева, осетины Балкарию называли Ассы, а балкар (Северного Кавказа) – *асиагами*²⁷. В VIII–IX вв. в районах Верхней Волги и левобережья Оки появляются восточнославянские племена (русские).

С XI в. хозяевами Восточноевропейских степей становятся *кипчаки* (в русских источниках «*половцы*»), которые представляли последнее звено, или «реликт», древнетюркского эль²⁸. Здесь, на обширной степной территории Восточной Европы, образуется страна Дешт-и-Кипчак, на основе общекипчакского языка и степной культуры происходит активная интеграция разных по происхождению тюркских племен; идет массовое расселение кипчак и кипчакизированных племен по всем окраинным землям Дешт-и-Кипчака (Прикавказья, Причерноморья, Приуралья, Поволжья и т.д.). Возможно, в это время на территорию Нижнеокско-Примокшанских земель, под давлением кипчак (половцев) проникли с юга *можгары*.

В начале XII в. славянские племена (русские) в соседстве с Волжской Булгарией создают Рязанское, Владимиро-Суздальское, а позже Нижегородско-Суздальское княжества, начинается или намечается также процесс продвижения русских на восток, прежде всего на «Пургасовы земли». В письменных источниках появляется термин «Пургасова Русь»²⁹, а позже – «Русская мещера». В гуще мордвы и тюркских племен (булгар, буртасов и можар) появляются русские поселения, русские города Кадом, Нижний Новгород, которые были построены на месте ранних булгаро-буртасских городищ. Это было время напряженных отношений между Волжско-Булгар-

ским государством и русскими княжествами. Летописи отмечают частые столкновения между ними, имеющие характер военных акций. Например, в 1209 г. состоялась битва рязанских дружин с булгарами, в г. Кадом³⁰, в 1228 г. русские князья предприняли поход на Пургасовы земли³¹, а в 1229 г. Пургас с мордвой совершил поход на Н. Новгород³². Как видим, Пургас в этих сражениях все еще выступал во главе местной рати, на стороне булгар, как защитник своей земли.

Отношения кипчак (половцев) с русскими князьями были неровными. Чаще они находились в дружественном состоянии, нередко роднились (через браки), отдельные половецкие князья (язычники) приняли крещение. Так, в летописи 1122 г. сказано: «Того же лета крестился в Рязане половецкий князь Амурат»³³. Часто половецкие князья входили в договорные отношения с русскими князьями и участвовали в их междоусобных боях, или в других столкновениях (на стороне русских). Например, в вышеназванных сражениях булгар – буртас и мордвы с русскими князьями на стороне русских воевал князь Пуреш, который, по мнению ученых, был половецанином³⁴. Но бывали случаи, когда они (половцы и русские князья) конфликтовали и даже вступали в сражения. Одно из таких событий описано в памятнике XII в. «Слово о полку Игореве»³⁵. Но русские князья в битвах с Волжской Булгарией не всегда пользовались услугами кипчак (половцев). Например, в 1183 г. князь Владимиро-Суздальского княжества перед выступлением против булгар ставит в известность киевского князя Святослава о том, что он половец призвать не хочет, ибо у них с булгарами «язык и род едины»³⁶.

Важным периодом этнической истории народов Азии, Кавказа, Восточной Европы и Поволжья был XIII в., связанный с захватом этих земель чингизидами (монголами). За несколько лет они подчинили себе их население. Хан Батый завоевал и разорил террито-

рию Дешт-и-Кипчак, Волжскую Булгарию и восточнославянские княжества. В 1239 г. он прошел через земли Окско-Сурского бассейна и покорил буртасы, можар (мачар). В двухтомном сборнике В.Г. Тизенгаузена булгары, буртасы, можары и кипчаки значатся как покоренные монголами народы³⁷. Буртасы встречаются в «Слове о погибели Русской земли (XIII в.)»³⁸ наряду с мордвой и другими местными народами.

Посланник французского короля Людовика IX, к ставке монгольского хана, ученый монах Рубруквис проезжал из Крыма в Сарай (1253 г.). Он пишет, что «вся страна за пройденным им Доном очень хороша и с северной стороны изобилует лесами и реками, во всех обширных лесах живут два разноплеменных народа, из которых один называется мокша, он не имеет городов и деревень, лишь несколько хижин, разбросанных в лесах. Близ него живет народ по имени *Merdas* (буртасы. – Р.М.), это магометане, за ними р. Итиль»³⁹.

В период монгольского нашествия население разоренных городищ и селищ верхней Суры (буртасы, можары) переселилось в более северные земли – в верховья рек Выши и Мокши. Об этом говорит обнаруженное здесь значительное число селищ с «красной круговой керамикой», относящееся к XIII – XV вв.⁴⁰ В период Золотой Орды здесь, в окружении тюркоязычного и мордовского населения, основывается улусный центр Орды – Наровчат (Мохша). Ознакомление с археологическим материалом Примокшанских (или Наровчатских) селищ с красной круговой керамикой дало возможность исследователям заключить, что «находки этих селищ почти не отличаются от находок с верхнесурских городищ, XI – нач. XIII вв., но они значительно беднее»⁴¹ (т.е. эти селища также принадлежали буртасам, которые переселились сюда из городищ верхней Суры в период монгольского нашествия). Среди археологического материала

элементы монгольской культуры не обнаружены, это и понятно, ведь монголы не задерживались на завоеванных местах. Ставка Батгя находилась на нижней Волге – в Сарае (в столице Золотой Орды), из этого центра на места посылались лишь небольшие отряды для сбора дани.

Вторая половина XIII – XIV вв. – расцвет Золотой Орды. В этот период она превратилась в одну из крупных держав средневековья. Здесь большое распространение получает высокая восточная (арабская) культура, в частности ислам и письменность на основе арабского алфавита, процветают города и городская культура⁴². На территории Нижней Волги и Северного Кавказа, кроме Сарая, выросли такие известные города, как Укек, Маджар и др. Основная часть кипчак в эпоху Золотой Орды в основном превращается в оседлое население. В конце XIII – первой половине XIV вв. г. Наровчат (Мокша) становится крупным административным и торговым центром Золотой Орды. Построенный на месте старого буртасского города, он в период Золотой Орды расширился: застроился кирпичными общественными зданиями (мечетями, мавзолеями, банями) и жилыми домами знати⁴³. Здесь был также караван-сарай – постоялый и торговый двор. Как известно, такие дворы возникали на больших торговых дорогах. Во время археологических раскопок на этом месте найдено много монет XIV в., в том числе с надписью «*Махша*». Это говорит о том, что в Наровчат (Мокша) чеканились деньги. Небезынтересно также заметить, что на месте предполагаемой бани обнаружены остатки керамических водопроводных труб, а под кирпичным полом – дымоходы, т.е. признаки центрального водоснабжения и отопления. Как видим, в период расцвета Золотой Орды на территории Наровчатского улуса (княжества) сложился городской быт (хотя у болгар и буртасы до этого были города и традиции городской культуры). В этот пери-

од здесь, кроме города Наровчат, был построен город Темников (татарское население его называет «Томэн») – как местонахождение ордынского темника (десятитысячника); здесь же археологами обнаружены и места бывших княжеских замков (городищ), например, Итяковское городище. В золотоордынский период увеличиваются торгово-экономические связи Наровчатского княжества с востоком, продолжают традиционные связи с Волжской Булгарией и соседними русскими княжествами, в развитии торговых отношений активное участие принимали половецкие князья, которые еще до появления чингизидов играли значительную роль в этнокультурных процессах Мещеры, происходящих на территории Восточной Европы.

Наровчат (Мокша) находился на большой посольской дороге из Нижней Волги (Сарая) во Владимир. Эта дорога шла по Сурско-Мокшанскому междуречью, через Темников. По ней с древнейших времен с юга проникали на Мещеру тюркоязычные группы.

С конца XIV в. в Золотой Орде намечаются признаки распада (междоусобица, сепаратизм). Недовольные политикой Орды крупные феодалы уходили с войсками на подвластные Орде земли, поселялись среди местного населения и устанавливали свое господство. Например, в 1298 г. Бахмет Усеинович Шпринский «из Орды пришел и захватил земли по Цне»⁴⁴. Он и его потомки входили в контакты с рязанскими князьями, а внук его Юрий Беклемешев принял крещение. В период междоусобиц в Золотой Орде летописи отмечают появление на Наровчатской земле сепаратиста Тагая⁴⁵ – выходца из Бездежа (Нижней Волги), который в 1361 г. захватил Наровчат (Мокшу) и на его основе создал «свое» княжество. В Наровчате (Мокше) он чеканил медные монеты со своим именем. Согласно Рогожской летописи, в том же году на р. Пьяне «обрывся рвом и осел там» Секизбей⁴⁶. К прибывшему из Орды татарскому

князю некоторые источники⁴⁷ относят и князя Бехана, который владел городом Темниково и землями вокруг него. Потомками Бехана считают князей Кугуша, Кутуя, Акчуру и некоторых других. Образование татарских поселений вблизи г. Темникова (деревень Адаево, Акашево, Дашкино, Идеево, Тарханы, Тюеева, Митрялы и других) М.Г.Сафаргалеев связывает с появлением на Мещере названных татарских князей⁴⁸. Однако, говоря о новых тюркоязычных этнических включениях на Мещере, не следует забывать и о том, что здесь, еще до вхождения этих земель в состав Золотой Орды, жили тюркские племена: булгары, бургасы, можары и кипчаки; последние смешались с другими местными тюркскими племенами и как самостоятельное этническое образование уже не значатся. Что же касается этнонима *можар*, то он продолжал встречаться, иногда под термином *мещеряки*, вплоть до середины XVI в. Например, в грамоте 1483 г., которой обменялись между собой князья Рязанского и Московского княжеств, *мачары* значатся рядом с мордвой как «черные люди»⁴⁹ (как местные ясачные земледельцы). В декларации Касимовского царевича Шигалея, данной царю в 1551 г., можары значатся в ряду с чувашами, черемисами и мордвой⁵⁰. Термин *бургасы* встречается в качестве синонима *татары* (бургасы – посопные татары) в XVII в. в Писцовых книгах Алатырского уезда Симбирской губернии⁵¹.

Русские источники XVI – нач. XVII вв. зафиксировали бургасов, бургаские ухожеи, бургасские вотчины также в Кадомском уезде⁵². По мнению И.Н. Смирнова, выделение бургасских вотчин из других инородческих земель указывает на то, что в XVII в. бургасы представляли собой еще заметный элемент в Алатырском уезде⁵³. Кстати, на этой территории сосредоточена основная компактная группа ц-окающих татар-мишарей. Что касается территории старинного Кадомского уезда, то здесь сохранилось крупное село (*иль*)

ц-окающих мишарей – Азеево (*Ас-иле*), которое в настоящее время значит в Елатомском районе Рязанской области. Ц-окающие мишари живут также в бывшем Буинском уезде Симбирской губернии (Дрожжановский и Шаймурзинский кусты). Некоторые следы этнографической культуры ц-окающих мишарей заметны также в языке и быте керенских мишарей, которые образовались на месте и, отчасти, на основе древних селищ с «красной круговой» керамикой. Заметим, что на территории проживания ц-окающих групп мишарей (курмышской, буинской и керенской) имеются населенные пункты под названием «Мочалы». Мы полагаем, что топоним *мочалы* этнологически восходит к этническому термину *мочар* (мочар-иле). Из вышеизложенных фактов также можно говорить о наличии генетической преемственности между *буртасами*, *можсарами* (*мочарами*) и татарами-мишарями. Этот тюркский этнический пласт на территории Мещеры был значительным, об этом также говорят распространенные там топонимы *буртас*, *можсар*, *мачар*.

Борьба феодальных группировок в сер. XV в. привела к распаду Золотой Орды. На ее территории возникли новые государственные образования (Большая Орда, Астраханское, Крымское, Сибирское, Казанское ханства, а на территории Мещеры – Касимовское царство). Это привело к серьезным изменениям этнических процессов на бывшей территории Золотой Орды. С распадом этого государства исчезла социально-политическая основа существования макроэтнопонима «татар». Этнические процессы больше приняли местный (территориальный) характер, в исторических документах появились термины, такие как казанские, касимовские, астраханские и другие татары. Мишари также делились на темниковских, кадомских, симбирских и других.

Большие изменения в этнические процессы народов Окско-Сурского бассейна, в том числе татар-мишарей,

внесло вхождение этого края в состав Русского государства. Еще в середине XIV в. в междуречье Оки и Волги властвовали московские князья. В XV в. в состав Московского государства уже входила вся северо-западная часть Среднего Поволжья с обитавшими там мордвой и тюркоязычным населением. В этот период происходит активная колонизация края русскими, что привело к обновлению этнического состава населения этого края. За сравнительно короткое время местное население мордва и формировавшиеся на основе местных тюркских этнических групп (буртас, мажар, кипчак) татары-мишари оказались на Мещере в меньшинстве. В процессе усиления этнических контактов на Мещере происходило и значительное культурное обновление местных народов.

В XVI в. Московское государство особое значение придавало сохранению и даже приумножению татар на этой территории. Татары-мишари во главе своих князей использовались для защиты границ Русского государства. Они привлекались на службу и наделялись дополнительными земельными угодьями. Например, князь Кугуш, его сын Тениш за добровольное присоединение к Русскому государству в 1528 г., кроме г. Темниково, были пожалованы еще дополнительными селами. В 1536 г. сын Тениша князь Еникей получил право «судить и вязать тарханов (*тархан* здесь значит как раннетюркский этноним) и башкир и мажаров, которые живут в Темникове, по старине потому ж как наперед его судил и вязал отец его Тениш»⁵⁴. Известны имена и других служилых темниковских людей – Тювея Асбердеева и его сыновей, которым в 1535 г. были пожалованы большие земельные угодья близ Темникова и разрешено здесь «дворы себе ставить и пашни пахати»⁵⁵. В районе г. Кадома на Мокше ниже Темникова находились земли служилых князей Бедиша, Янгалыча и его братьев. Как видим, в нижнем течении р. Мокши в Темниковском и Кадомском уездах

отмечается большая группа татарских деревень (*авыл* или *иль*), образованных еще до колонизации этих земель русскими. За добровольное присоединение к Московскому государству и за верную службу их князья наделялись передаваемыми по наследству поместьями. Татары-мишари составляли значительную часть служилого сословия Российского государства и сыграли большую роль в укреплении его обороноспособности.

В середине XVI в. правительство Ивана Грозного, из необходимости дальнейшего укрепления и развития Русского централизованного государства, приглашало новых представителей татар из Орды на Мещеру. «Походите себе нашего жалования и вы бы приехали к нам со всеми своими людьми, которые ныне с вами, – писал Иван Грозный в 1551 г. ногайским мурзам. – А мы вам всем и вашим людям дадим место на украине Мещеры, где вам пригоже кочевати и пожалуем вас великим своим жалованием и устрой вам ученим, как вам мочно быти бескорбным». В 1560 г. в Москву пришли служить во главе с ногайским мурзой Акзенишев сын значительное число татарского (ногайского) населения. Новоприбывшие «татарские князья», так же как и «туземные», зачислялись на службу Московскому государству. Рядовых ногайцев и мишарей (их в Москве называли татарами) тоже записывали в «служилые» и наделяли поместьями, но уже меньших размеров, чем у князей и мурз. Новоприбывшее из-под Астрахани население заселилось на той же территории, где жили древние буртасы и мажары. В этнографической литературе их называют «Бастанскими татарами» (по названию одного из населенных пунктов) в Савском районе Тамбовской обл.

Вышеприведенные материалы дают возможность говорить, что татары-мишари не появились на Мещере уже в готовом или сформированном виде. Они формировались здесь (т.е. на территории Мещеры) из различных, ран-

них и поздних, в своей основе тюркских, групп. Этот процесс был долгим и включает ряд следующих исторических периодов.

Первый – ранний период, он включает V–X вв. (до прихода в районы Правобережья Средней Волги булгаро-буртасских племен). Здесь на основе финно-угорских и пратюркских племен был заложен субстрат этноса мишарей.

Второй период включает X – нач. XIII вв. Это время консолидации тюркских племен (булгаро-буртас, мажар, кипчак) и формирования этнического ядра мишарей. Одновременно в этот период происходит и формирование их культуры (осваивается территория, устанавливаются культурные взаимосвязи с мордовскими племенами и т.д.).

Третий период – XIII–XV вв. – эпоха Золотой Орды. Этот период связан с заметным этнокультурным обновлением населения Мещеры, особенно тюркских этносов, здесь мы также имеем в виду появление ногайских и, в меньшей степени, монгольских родов, представлявших тогда элитный (татарский) слой. Этот слой особенно заметен в этнической структуре касимовских татар.

Четвертый период – XVI – конец XIX вв. (мишари в составе Русского государства). В начале этого периода происходит окончательный распад Золотой Орды, а чуть позже и Большой Орды. На Мещере образуется Касимовское царство, которое сыграло большую роль в консолидации тюркских этнических групп. В это время происходит окончательное формирование, наряду с казанскими татарами, самостоятельного этноса *мишари*, а возможно касимовских татар, на этнической основе мишарей (в этнографической литературе сегодня касимовские татары рассматриваются отдельно от мишарей). Я считаю, что этот вопрос требует дальнейшего исследования. Мишарей и касимовских татар связывали и общие социально-экономические условия, имевшие место в Русском государстве. Их культура в одинаковой степени испытала влия-

ние культуры русского народа. После присоединения Среднего Поволжья к России в составе единого государства укрепились этнокультурные связи

с казанскими и другими татарами и в конце XIX – нач. XX вв. происходило формирование татарской буржуазной нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Васильев Б.А.* Буртасская проблема и этногенез мишарей / Б.А. Васильев // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1960. – С. 206.

² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. Ч. I. – СПб., 1863. – С. 30 – 31.

³ Труды IV Археологического съезда России. – Казань, 1884. – С. 17.

⁴ *Поletaев С.П.* Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии / С.П. Поletaев // Культура и быт народов Центрально-промышленной области. – М., 1929. – С. 149-161.

⁵ *Куфтин Б.А.* Татары касимовские и татары-мишари Центрально-промышленной области / Б.А. Куфтин // Культура и быт народов Центрально-промышленной области. – М., 1929. – С. 135-149.

⁶ *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных по антропологии / Т.А. Трофимова // ТИЭ. – Т.7. – М., 1949.

⁷ *Чекалин Ф.Ф.* Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам / Ф.Ф. Чекалин // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г. – М., 1891. – С. 114-115.

⁸ *Васильев Б.А.* Проблема буртасов и мордвы / Б.А. Васильев // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1860. – С. 180-209.

⁹ *Ахмаров Г.* О языке и народности мишарей / Г. Ахмаров // ИОАИЭ. – Т. XIX, вып. 2. – Казань, 1903. – С. 91-160.

¹⁰ *Трофимова Т.А.* Указ. работа / Т.А. Трофимова; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари / Р.Г. Мухамедова. – М., 1972; Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов / Л.Т. Махмутова. – М., 1978.

¹¹ *Халиков А.Х.* Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии / А.Х. Халиков // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965 – С. 153; *Полесских М.Р.* Пензенские могильники IV – V вв. / М.Р. Полесских // С.А. – 1964, № 4; *Он же.* Могильники «ахмыловского» типа в Пензенской области. – КСИИМК, №55, 1954.

¹² *Монгайт А.Л.* Из истории бассейна среднего течения Оки / А.Л. Монгайт // С.А. – XVIII. 1953. – С. 169.

¹³ *Селиванов А.В.* О древнейшем населении Приокского района / А.В. Селиванов // Труды РУАК – Т.21. – Вып. 2. 1908. – С.93.

¹⁴ *Иловыйский Д.* История Рязанского княжества / Д. Иловыйский. – М., 1958. – С.109.

¹⁵ *Богданов А.* Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии / А. Богданов // Известия Общества любителей естествознания. – Т. IV, вып.1. – М., 1876. – С. 13.

¹⁶ *Монгайт А.Л.* Археологические заметки / А.Л. Монгайт. – КСИИМК, XII., 1951. – С.129.

¹⁷ *Артамонов М.И.* История хазар / М.И. Артамонов. – Ленинград, 1962.

¹⁸ *Серебренников Б.А.* История мордовского народа по данным языка / Б.А. Серебренников // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 255– 256.

¹⁹ *Никонов В.А.* Неизвестный язык Поочья / В.А. Никонов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5.

²⁰ *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры / Б.А. Куфтин // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1926.

²¹ *Васильев Б.А.* Проблема буртасов и мордвы / Б.А. Васильев // Вопросы этнической теории мордовского народа. – М., 1960.

²² *Фирсов Н.А.* Обзор внутренней жизни инородцев пред временем вступления их в состав Московского государства / Н.А. Фирсов // Ученые записки Казанского университета (по отделению историко-филологических наук). – В. 1-2. – Казань, 1866. – С. 72.

- ²³ Белорыбкин Г.Н. Буртасы / Г.Н. Белорыбкин // Пензенская энциклопедия. – М., 2001.
- ²⁴ Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья / М.Р. Полесских. – Пенза, 1977. – С.72.
- ²⁵ Там же. – С. 70.
- ²⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа / Р.Г. Кузеев. – М., 1974. – С. 229-230.
- ²⁷ Калоев Б.А. Осетино-балкарские этнографические параллели / Б.А. Калоев // С.Э. – 1972. – № 5.
- ²⁸ Артамонов М.И. Указ. работа / М.И. Артамонов. – Л., 1962. – С. 423.
- ²⁹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Саранск, 1940. – Т 1. – С. 250.
- ³⁰ Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы / А.А. Гераклитов. – СОЦЭКГИЗ, 1931. – С. 5.
- ³¹ ПСРЛ. – Т. 1. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. – Л., 1927. – С. 451.
- ³² ПСРЛ. – Т. 10. – С. 94-95.
- ³³ ПСРЛ. – Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 158.
- ³⁴ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы / Н.Ф. Мокшин. – Саранск. – 1977. – С. 65-68.
- ³⁵ Слово о полку Игореве. – М., 1967.
- ³⁶ Татищев В.Н. История Российская / В.Н. Татищев. – Т. III. – М. – Л., 1964. – С. 126.
- ³⁷ Тизенгаузен В.Г. Указ. работа. – С. 234-235.
- ³⁸ Слово о погибели Русской земли. – М., 1959. – С. 326.
- ³⁹ Рубруквис. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1868. – С. 92.
- ⁴⁰ Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья / М.Р. Полесских. – С. 75.
- ⁴¹ Полесских М.Р. Там же / М.Р. Полесских. – С. 80.
- ⁴² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966. – С. 205.
- ⁴³ Алихова А.Е. Постройки древнего города Мокша / А.Е. Алихова // Советская археология. – 1976. – № 4; Кротков А.А. В поисках Мохши / А.А. Кротков // Труды ОИАЭ при Саратовском университете – М., 1929. – Т. 54. – Ч. 1.
- ⁴⁴ Бархатная книга. – Ч. 3. – С. 239.
- ⁴⁵ ПСРЛ. – Т. XV. Вып. I. – М., 1965. – С. 71.
- ⁴⁶ ПСРЛ. – Т. XV. – Вып. I. – М., 1965. – С. 70.
- ⁴⁷ Республиканский архив Мордовии. Фонд Саровского монастыря. – Ф.1., оп. I, ед. хр. 35. – ЛЛ. 123 – 156.
- ⁴⁸ Сафаргалеев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР / М.Г. Сафаргалеев // Труды МНИИЯЛИЭ. – Вып. XXIV. – Саранск, 1963. – С. 74.
- ⁴⁹ Духовные договорные грамоты великих удельных князей XIV – XVI вв. – М. – Л., 1950. – № 76. – С. 284.
- ⁵⁰ Гераклитов А. Материалы по истории мордвы / А. Гераклитов // Сборник выписок из печатных источников (X – XVIII вв.). – М. – Л., 1931. – С. 5.
- ⁵¹ Симбирский сборник. – Т. II. – Симбирск, 1870. – С. 72.
- ⁵² Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ. – И – 218. – С. 81–100.
- ⁵³ Смирнов И.Н. Мордва / И.Н. Смирнов. – Казань, 1895. – С. 52.
- ⁵⁴ Известия ТУАК. – Вып. 23. – С.31.
- ⁵⁵ Известия ТУАК. – Вып. 34. – С. 56.

Аннотация

Татары-мишари представляют собой вторую по численности группу татар Среднего Поволжья, предки которых задолго до появления Чингизидов освоили эту территорию.

Ключевые слова: мишари, постройки, нашествие, распад, источники.

Summary

The Tatars-meshers are the second group of the Tatars in population size in the middle Volga region, the ancestors of which opened up this territory long before the appearance of the chingizids.